

Алекс Морепарти

Я - БЕРКОР.

Я - БЕРКОР. ИДЕАЛЬНЫЙ УБЛЮДОК

ПСИХОАНАЛИЗ ВАШЕГО ЛИЦЕМЕРИЯ.

В этой книге вы увидите, как ваша «Добродетель» — это маска, а Пустота внутри вас — единственная Правда. Узнайте, какую часть души вы СКОРМИЛИ ЛИЧНЫМ КРОТАМ ради комфорта, и почему ваша Трусость стала благочестием. Это не книга, это Зеркало, в котором вы увидите: ваш Комфорт — РАКОВАЯ ОПУХОЛЬ, а ваш успех — просто коллекция чужого страха. Готовы услышать КРИК СОБСТВЕННОЙ ДУШИ?

Алекс Морепарти Я – Беркор. Идеальный ублюдок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72700357

SelfPub; 2025

Аннотация

1. В этой книге по истории Идеального Ублюдка Беркора вы узнаете, как ваше Нарциссическое Расстройство годами маскируется под "Добродетель", и почему вы боитесь пустоты в себе больше, чем смерти.

2. В этой книге по истории Социопата Беркора вы научитесь коллекционировать Чужие Эмоции как бабочек на булавках и использовать Страх Толпы как своё единственное топливо.

3. В этой книге по истории Лицемерия Гусмандии вы узнаете, какую часть своей души вы СКОРМИЛИ ЛИЧНЫМ КРОТАМ, чтобы сохранить ИДЕАЛЬНЫЙ ФАСАД, и почему ваш комфорт – это РАКОВАЯ ОПУХОЛЬ.

4. В этой книге по истории Зверя в Ангеле вы научитесь слышать КРИК СОБСТВЕННОЙ ДУШИ, который вы заглушили "Стабильностью", и поймёте, что ПУСТОТА внутри вас – это единственная Правда.

5. В этой книге по истории Ненависти к Себе вы узнаете, кто из ваших внутренних демонов (Омега, Генри или Фред) ПИШЕТ

ЯЗВИТЕЛЬНЫЕ КОММЕНТАРИИ в интернете, и почему ваша
Трусость – это новый стандарт Благочестия.

Автор обложки – Алекс Морearти

Алекс Мореарти

Я – Беркор.

Идеальный ублюдок

Здесь. Под этим солнцем, что не грело, а выжигало саму мысль о тени, начиналась моя история.

Солнце в Гусмандии было не источником жизни, а приговором. Его свет – липкое, тягучее насилие, расплавленный янтарь, в котором застывали, как доисторические мухи, любые порывы, любые искренние эмоции. Оно пропитывало воздух приторным запахом карамели и гниющей на мелководье ряски, превращая каждый вдох в акт подчинения. Дышать здесь означало глотать сладкую ложь этого мира, соглашаться с его правилами. Мир, созданный не богом, а кондитером-социопатом, для которого любая горечь – личное оскорбление.

Тень была ересью. Темные, бархатные провалы под кронами деревьев казались не укрытием, а порталами в запретное, в ту самую правду, от которой все здесь так отчаянно бежали. В них хотелось не просто спрятаться – в них хотелось раствориться, перестать быть глянцевой, отполированной куклой на витрине всеобщего благополучия. Любая щербинка на идеальной брусчатке, любой дикий, нестриженный цветок воспринимались как плевок в лицо мирозданию. Зло? Са-

мо это слово стерлось из языка, его заменили эвфемизмы: «недоразумение», «неловкий момент», «временное несоответствие идеалу». Они так долго и усердно делали вид, что его не существует, что почти убедили в этом сами себя.

И в эпицентре этого сияющего, тошнотворного самообмана обитал он. Беркор.

Совершенство было его болезнью. Его манией. Его тюрьмой. Белизна его оперения была не цветом, а его отсутствием, абсолютной пустотой, в которой тонули все остальные краски. Это был цвет стерильной операционной, цвет кости, вываренной дочиства. Каждое перо – не дар природы, а результат титанического, ежесекундного контроля над собственным телом, над каждым мускулом. Патологическая симметрия, от которой веяло не гармонией, а безумием. Когда он двигался, по его спине пробегали не волны света, а судороги сдерживаемой силы. Он не источал свет – он пожирал его, не оставляя ничего вокруг.

Его глаза – два осколка вечной мерзлоты. В них не было ни безмятежности, ни гениальной печали. В них была лишь оценка. Он смотрел на мир, как патологоанатом смотрит на труп – с холодным любопытством, выискивая скрытые дефекты, пороки, гниль. Этот взгляд раздевал, препарировал, и под ним любой чувствовал себя уязвимым, грязным, неправильным. Именно этот взгляд заставлял трепетать, желать, подчиняться.

Его клюв – алый скальпель, идеальный для того, чтобы

вскрывать чужие души. Его хвост... О, это был не просто вер. Это был ритуал, сеанс массового гипноза. Когда он раскрывал его, он не подражал павлинам. Он утверждал свою власть. Мир замирал не от восхищения. Мир замирал от страха. В этот момент каждый – от восторженного гусенка до старого селянина – осознавал свою ничтожность перед лицом этого ледяного идеала. Они видели не красоту. Они видели приговор собственному несовершенству. А Беркор стоял, неподвижный, и впитывал их унижение. Он не наслаждался, он питался им. Это была его доза, единственное, что заставляло замолчать ледяной вой пустоты внутри него.

А крылья... Под ангельским пухом скрывалась истина. Два тарана, два орудия убийства. Та стена, которую он обратил в пыль одним ленивым движением, была не просто демонстрацией силы. Это был срыв. Прорыв той первобытной, сокрушительной ярости, которую он так тщательно гримировал под маской хладнокровия. Он разрушил ее не потому, что мог, а потому, что на долю секунды перестал себя контролировать. И этот момент ужаснул его больше, чем кого-либо из свидетелей. Он понял, что монстр, живущий внутри, однажды может вырваться.

Именно этот страх породил его внимательность. Это была не концентрация гения, а паранойя заключенного, который постоянно проверяет решетки своей камеры. Он замечал дрожь паутины, тень лжи в чужих глазах не потому, что был наблюдателем. Он искал угрозу. Искал признаки того,

что его собственная ложь, его великий обман, вот-вот будет раскрыт. Он видел мир в деталях, потому что боялся целого. Боялся увидеть в нем отражение своей собственной чудовищной фальши.

«... снова и снова Беркор доказывает, что он – само совершенство! Он – воплощение нашей гусмандийской мечты! Он – синоним победы!» – захлебывался комментатор, и толпа редела в экстазе.

Победы. Деньги. Самки, предлагающие себя с отчаянием смертельно больных, ищущих исцеления. Он брал все это с безгливой отстраненностью. Это были лишь инструменты. Инструменты для поддержания мифа. И главным из них была его добродетель.

Он строил больницы и школы не из сострадания. Сострадание было ему неведомо. Каждый приют для бездомных утят, каждая горсть зерна, брошенная старикам, была взяткой. Откупом. Он платил миру за его слепоту. Он возводил вокруг себя сияющий бастион из благодеяний, чтобы никто и никогда не посмел заглянуть за стену. Чтобы никто не увидел в ангеле зверя, который в любой момент готов обратить все вокруг в красную пыль.

Его канонизировали при жизни. И это был самый страшный приговор для них всех. Они создали себе бога из собственного страха перед правдой, и теперь молились на него. А он, их ледяной, пустой бог, смотрел на них сверху вниз и видел лишь стройматериал для своей золотой клетки.

Ха.

Какая густая, тошнотворная ложь, сваренная на медленном огне всеобщего страха.

Спросите тех, кто помнит его гусенком. Спросите, если осмелитесь вытащить их из теплых нор их выборочной амнезии. Они не просто забыли. Они провели хирургическую операцию на собственной памяти, вырезав ржавым скальпелем те дни, когда нимб над головой Беркора был еще не отлит из золота, а соткан из дыма пожаров, которые он сам и устраивал.

Дзиньк-хрррясь!

Это был не просто звук. Это был оргазм разрушения. Короткий, пронзительный визг, с которым реальность этого приторного мира рвалась, как перенатянутая струна. Осколки, словно кристаллизованная боль, впились в нежные лепестки тюльпанов. У дыры, зияющей в стене, как разинутый в немом крике рот, стояли трое. И они не бежали. Они упивались.

Их хохот был грязным. Глубоким, рвущим легкие, лишенным даже намека на веселье. Это был саундтрек их общего порока, гимн их маленькой, уродливой власти над миром, который их не понимал и потому заслуживал уничтожения. В проеме показалась мадам Фуфье. Ее чепец, символ мещанского порядка, был сбит набекрень, а в глазах под слоем пра-

ведного гнева, как тина под чистой водой, колыхался первобытный, унижительный страх. Страх не перед наказанием. Страх перед бессмысленностью этой жестокости.

– Ах вы, маленькие паршивцы! Мерзавцы!. – ее голос дребезжал, как треснувший колокольчик. Она размахивала крылом, пытаясь отогнать не их, а само осознание того, что ее мир, ее правила – ничто. – Я сейчас же полечу к вашим родителям!.

Один из них – тот, чья белизна казалась оскорблением этому грязному моменту – перестал смеяться. Юный Беркор. Его глаза, два сапфировых лезвия, сузились. В них не было гнева. В них был только расчет. Он не принимал решение. Он просто позволил инстинкту, отточенному до совершенства, сделать свою работу. Его лапа, не глядя, нашла на земле камень. Увесистый, с острым, как бритва, сколом. И его мозг, этот безупречный биокомпьютер, в тысячную долю секунды обработал данные: вес снаряда, сопротивление воздуха, уязвимая точка на черепе движущейся цели.

Движение было почти незаметным. Короткий, сухой щелчок сустава.

Камень не ударил. Он вошел. С отвратительным, влажным, абсолютно чужеродным для этого мира звуком. «Т-ук». Так звучит ложка, проламывающая скорлупу яйца всмятку. Так звучит реальность, когда с нее сдирают все покровы. Гусыня издала лишь тихий, удивленный вздох, ее глаза остекленели, и тело, лишенное воли, обмякло, повалившись на-

зад, в темноту дома. Проблема была устранена.

Хохот захлебнулся в глотках. Тишина, повисшая в воздухе, была плотной, как кровь. И ее разорвал рев. Из дома, высадив плечом остатки рамы, вырвался месье Фуфье. Огромный, серый, он был воплощением чистой, бессильной ярости. Ненависть сделала его неуклюжим.

– Я вас в перья сотру, выродки!!!. – его голос был хриплым скрежетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.